

Дворец
из песка

русский
любовный
роман

Анастасия Дробина

Анастасия Дробина

Дворец из песка

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=165669

Дворец из песка: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-25552-8

Аннотация

Какую тайную цель преследует Судьба, сводя таких разных людей, как известный бандит Пашка Шкипер и Александра, девушка с удивительными способностями целительницы? Они стали мужем и женой – и для Саши началась совсем другая жизнь: дом на средиземноморском побережье, собственный ресторан, наряды от известных кутюрье, роскошные драгоценности, возможность не думать о завтрашнем дне... Но как справиться с вечным беспокойством?..

Содержание

Часть I	4
Часть II	51
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Анастасия Дробина

Дворец из песка

Часть I

Буров

Владимир Буров, владелец социально-политического журнала «Наше время», сорокалетний усталый человек, стоял у окна рабочего кабинета, смотрел в окно и сосал потухшую трубку. Был октябрь, и маленький дворик внизу засыпало желтыми листьями. Ветер лениво гонял их по углам двора, время от времени принимался накрапывать дождь. Нужно было работать, но Буров уже четверть часа находился у окна. Внимание его привлек золотистый лист, кружащийся над его запаркованной у подъезда машиной. Буров загадал про себя: если лист упадет на крышу – у Маши все будет хорошо. Лист совершил посадку точно над ветровым стеклом серой «Ауди». Буров недоверчиво усмехнулся. И в это время за спиной его скрипнула дверь и незнакомый, хрипловатый женский голос сказал:

– Владимир Алексеевич, я к вам. Здравствуйте.

Буров резко повернулся. Посетительница уже вошла и, не дожидаясь приглашения, села в кресло возле стола. Удивлен-

ный Буров увидел темное, как у индианки, худое лицо, очень большие черные глаза, черные волосы, уложенные в узел на затылке. Мельком отметил странный запах ее духов: не то травянистый, не то болотный, но довольно приятный. На вид женщине было около тридцати пяти, над ее виском тянулись нити седины. Она держалась очень спокойно, почти непри-
нужденно, и это рассердило Бурова.

– Прежде всего, кто вас сюда пустил? – неджентльменски спросил он, отходя от окна. – Я занят, через десять минут у меня совещание. Если моего секретаря нет на месте, это не повод...

Секретарь Ирина оказалась легка на помине: не успел Буров договорить, как из-за двери послышался приближающийся стук каблучков, и в кабинет заглянула виноватая ро-
жица.

– Ой, Владим-лексеич, извините, я, чес-слово, только на секундочку, там Киреев запись привез... – затараторила бы-
ло она, но, увидев посетительницу, смолкла на полуслове. Похлопала густо накрашенными ресницами (Бурову всегда казалось, что они должны стучать, как деревянные), восхи-
щенно протянула:

– Ой-й-й... Владим-лексеи-и-ич... Ой, вы же – Алек-
сандра Соколова, да? Та самая?... Ой, это правда вы?!

Пора увольнять эту идиотку, машинально подумал Буров. Второй год работает в крупном издании и все еще таращится на проходящих знаменитостей, как баран на новые ворота.

Никаких мозгов, вот и бери после этого на работу дочь знакомых... Но тут до Бурова дошел смысл сказанного Ириной, и он, неловко положив на столешницу трубку, уставился на женщину.

Он вдруг понял, что гостья гораздо моложе, чем ему показалось сначала. Ей лет тридцать, не больше, это седина ввела его в заблуждение. Так, значит...

– Простите, моя секретарша права? Вы – Александра Соколова?

– Погрязова, – поправила гостья. Помолчав, пояснила: – Я никогда не брала фамилию мужа.

Буров молча смотрел на нее. Теперь он уже не понимал, как мог сразу не узнать свою посетительницу. Год назад фотография этого темного, большеглазого лица украшала передовицы всех газет и журналов, в том числе и его собственного, мелькала во всех новостях. Заголовки надрывались один пуше другого: «Величайший мафиозо России убит в бразильской глубинке!», «Роковая ошибка Шкипера!», «Возвращение на родину мадам Соколовой!», «Вдова Шкипера отказывается от комментариев!» – и тому подобная бредятина. Буров сам тогда дал добро на запуск двухполосной статьи о жизни и смерти Павла Федоровича Соколова – легендарного Пашки Шкипера, сделавшего миллионное состояние в России в мутные девяностые годы. Шкипер погиб год назад во время взрыва его дома в бразильском штате Салвадор. Его жена прилетела в Россию, прямо в аэропорту на

нее насели журналисты и телевизионщики, но вдова никак не прокомментировала ни смерть мужа, ни свое возвращение. Шмелева, обозреватель светской хроники, предложила тогда заголовок: «Молчание бриллиантовой вдовы». Буров поморщился, вспоминая. Звучало пошлово, но в принципе верно. Все колоссальное состояние Шкипера, его полностью легальный бизнес за границей, сеть гостиниц и ресторанов в Италии и Франции, игорные дома в Сан-Пауло и Рио-де-Жанейро остались этой женщине. Сенсация была тем значительней, что до сих пор о мадам Соколовой никто не знал: на деловых приемах, светских тусовках, фешенебельных курортах Шкипера сопровождали ослепительные женщины – судя по всему, профессионалки. Жену он в свет не вывозил.

Еще тогда, год назад, Буров недоумевал: зачем она вернулась в Москву? Неужели плохо быть миллионершей в Италии или Рио-де-Жанейро? Потом мадам Соколова сразу пропала куда-то, исчезли публикации, смуглое глазастое лицо перестало мелькать в выпусках новостей. Буров знал почему. Ему самому тогда позвонили из известного ведомства и предупредили, что тему Шкипера и его вдовы пора сворачивать. Буров понял. Слава богу, спохватились. Шкипер был связан со многими политическими деятелями России, бывал в их домах, вел с ними дела. Этим людям не нужна была огласка их отношений со знаменитым бандитом.

– Ирочка, кофе нам, – подумав, сказал Буров. – А совещание перенеси на четыре. Итак, чем могу быть полезен, Алек-

сандра?..

– Николаевна.

Мельком Буров отметил, как просто одета вдова Шкипера: длинная черная юбка, глухая черная же блузка, никаких украшений, никакой косметики. Только запах странных травянистых духов – словно находишься в лесу, в зарослях папоротников после дождя.

– У меня к вам предложение, Владимир Алексеевич.

– От которого я не смогу отказаться? – улыбнулся он.

– Надеюсь, – без ответной улыбки сказала Погрязова.

– Я вас слушаю, Александра Николаевна.

Погрязова побарабанила пальцами по столу. Глядя в окно через плечо Бурова, спросила:

– Вас интересует интервью со мной?

Буров молча, в упор смотрел на нее. Через минуту Погрязова напомнила:

– Владимир Алексеевич, время – деньги. Да или нет?

Буров, не сводя с нее глаз, гаркнул в сторону приемной:

– Ира, меня нет ни для кого! По телефону не соединять! Где кофе?! Александра Николаевна, я все правильно понял? Вы готовы дать нам интервью? Предупреждаю, меня интересует только правда. И вы должны будете ответить на все – все предложенные вопросы! Иначе ваше предложение не имеет смысла.

– Разумеется.

Буров снова замолчал. Все это было слишком неожидан-

но. Да, к нему в руки плыла сенсация. Интервью с вдовой Шкипера, а лучше – большая статья... Это... это, господа, серьезно. За минувший год интерес к персоне Павла Соколова у населения ничуть не утих, такой бешеной популярности не мог добиться даже Отари Квантришвили, а ведь тоже был тот еще дон Корлеоне и, в отличие от Шкипера, обожал привлекать к себе внимание. Русский народ любит своих бандитов, и ничего с этим не поделаешь. За полгода о Шкипере были написаны две книги, в равной степени бездарные, на взгляд Бурова, который прочел обе. Получился своего рода «Крестный отец» в переложении для олигофренов. Факты в книгах никто не проверял, но и опровергать их тоже не представлялось возможным: семьи у Шкипера не было.

– Разумеется, – повторила Погрязова, снова глядя в глаза Бурова. – Любые вопросы, я расскажу все, что мне известно.

– А вам много известно?

– Достаточно. Он, конечно, меня на версту не подпускал к своим делам... но вы ведь не уголовное дело будете писать, а статью. А если я перечислю людей, которые бывали в его домах в Нью-Йорке, в Лондоне... У меня есть фотографии, они подлинные.

– Вас могут обвинить в клевете, – осторожно сказал Буров.

– Погрязова безразлично пожала плечами.

Буров вертел в пальцах трубку и усиленно соображал. Было очевидно, что никаких выгод самой Погрязовой это ин-

тервью не сулит. Если бы она мечтала об известности – год назад у нее было куда больше шансов. Гонорар ее тоже вряд ли интересует: при шкиперовском-то наследстве. Хочет утопить кого-то своими откровениями? Но легче всего было бы пойти с этим на Петровку или в ФСБ...

– Я назову все имена и передам вам фотографии с негативами. Уверяю вас, это не фотомонтаж. Может, до государственного переворота и не дойдет, но Думу будет трясти долго. Вы согласны?

– Не согласен, – мрачно заявил Буров.

– Вам страшно? – без насмешки спросила Погрязова.

– Мне всегда страшно, когда я не понимаю, в чем дело, – раздраженно сказал он. – Ваше предложение чрезвычайно заманчиво, но... Вы ведь знаете, что Шкипер... что ваш покойный супруг – тема в какой-то степени запрещенная? Мне лично рекомендовали не стараться ее освещать. После того как, по вашему выражению, начнет трясти Думу, меня могут элементарно вытрясти с работы.

– Вы же – независимая пресса! – невинно заметила Погрязова.

– Бросьте. Цена российской независимости всем известна. В конце концов, меня могут просто застрелить. А у меня, знаете ли, дочь...

– По поводу вашей девочки... – вдруг перебила его Погрязова, и Буров поразился внезапной перемене в ней.

Женщина подалась вперед, и ее темные глаза оказались

совсем близко от лица Бурова. Внимательные, участливые, потеплевшие.

– Извините меня, но мне известно... Я знаю, что случилось с Машей... с вашей дочерью. И хотела бы попросить, чтобы вы разрешили мне ее посмотреть. Не хочу ничего обещать, но, возможно, удастся что-то сделать.

– Вы врач? – опешил Буров. Такого разговора он ожидал меньше всего.

– Нет, – ничуть не меньше удивилась женщина. – Я...

– Все, я понял, – перебил ее Буров. Помолчав, заговорил тихо, едва сдерживая ярость: – Так, значит, вы – экстрасенс? Целительница? Ясновидящая? Кашпировский?! Мать вашу так!

Погрязова молчала. А Буров почувствовал, что его понесло.

– Я не знаю, откуда вы могли узнать о Маше. Но вам не кажется слишком большим свинством использовать девочку в своих целях? Да, она инвалид! Она сидит в кресле-каталке и никогда с нее не встанет, и многие об этом знают, и вы узнали откуда-то и явились сейчас, чтобы надавить на мои отцовские чувства! Я люблю свою дочь, но я не идиот! Уверю вас, через все это я уже прошел! И через врачей, и через вашу банду шарлатанов! Я никогда в этот бред не верил, но когда с Машей это случилось... Господи, когда болеет ребенок, поверишь во что угодно! И во что угодно вцепишься! Вы, вероятно, не знаете, сколько этого жулья было в нашем

доме! К скольким я сам возил Машу! И никакого...

– Извините, а как вы их находили? – спокойно поинтересовалась Погрязова, зажигая новую сигарету.

Буров осекся.

– Ну... как все. Сейчас столько об этом пишут, открой любой журнал... Кого-то рекомендовали знакомые, потом еще это... Госпожа Лилия, по телевизору...

– Понятно. И, конечно, платили большие деньги. Сначала вроде бы был результат, а потом – снова нет.

– Конечно, – Буров опять начал злиться. – Как будто вы не знаете...

– Ничего и не могло получиться. – Погрязова вдруг улыбнулась, и Буров снова заметил, как она молода. – Владимир Алексеевич, я вам искренне сочувствую, но... Тот, кто на самом деле что-то умеет, никогда не возьмет за это денег.

– И вы тоже? – саркастически спросил он.

– Конечно, – твердо сказала Погрязова. – Позвольте мне увидеться с Машей. Обещаю вам, я сделаю все, что смогу, даже если вы не захотите записать мое интервью.

– Нет.

– Почему?

– Потому что мне жаль Машу, – глухо сказал Буров. – Я не знаю, кто вы и что вы можете, я по-прежнему не верю ни в какую эзотерику, но девочка... ей семнадцать лет. Два года назад она потеряла мать и сама до сих пор в каталке. Я сделал все, что мог, и ничего не помогло. Ей надо смириться с тем,

что она никогда не будет такой, как все... Понимаете?

— Я понимаю. Но попробовать мы можем. Владимир Алексеевич, я чувствую, что может получиться. Прошу вас, давайте попробуем.

— Но я не знаю, как скажу ей...

— Я все скажу сама. — Женщина сжала руки на груди, словно в молитве. — Владимир Алексеевич, если есть хоть один шанс, нужно его использовать. Давайте попробуем. Уже сегодня я отвечу вам, стоит ли работать с Машей или нет. Вы же ничего не теряете! Отмените совещание и едем немедленно!

— Но я не вижу...

— Увидите потом. Едем. — Погрязова встала, взяла сумочку и, не глядя на Бурова, быстро вышла из кабинета. Тот, не узнавая сам себя, поспешил за ней.

Поехали на машине Бурова: Погрязова оставила свой «Рено-Меган» на стоянке возле редакции. Было уже темно, дождь пошел сильнее, желтые листья облепляли ветровое стекло. По дороге молчали: Буров злился на себя, Погрязова с отстраненным видом смотрела в окно, на пролетающие мимо улицы. К счастью, ехать было недалеко: на Сущевский вал. Недавно Буров купил квартиру для себя с Машей в одном из элитных домов.

В молчании вошли в освещенный, чистый подъезд, прошли мимо консьержки, поднялись в лифте. Мучительно думая о том, что он скажет Маше, Буров открыл двойную

дверь, пропустил Погрязову вперед. В квартире было темно. Дверь в комнату дочери была отворена, там светился телевизор.

– Папка, ты? – послышался голос Маши. – Почему так рано?

– Машенька, я не один. – Буров запнулся.

Погрязова тем временем быстро сбросила туфли, жестом отвергла предложенные Буровым тапки и босиком прошла в комнату дочери – Буров и слова не успел сказать. Он потрусил было следом, но дверь за Погрязовой закрылась, и он успел только услышать вопрос дочери:

– Здравствуйте... а вы кто?

«Придурок и трус», – уныло сказал сам себе Буров. И поплелся курить на кухню. Все произошло так стремительно, что он не успел вмешаться, и только сейчас, сидя с сигаретой на пустой кухне и глядя на бегущие по стеклу струйки дождя, начал обдумывать произошедшее. Может, она гипнотизер, эта мадам Шкипер? Ведь еще утром он даже не был знаком с ней... а сейчас она сидит с его дочерью за закрытой дверью, и Машиного голоса не слышно. Разговаривают? Но о чем?!

Резко скрипнула дверь. Так же резко, железно прозвучал голос Погрязовой:

– Владимир Алексеевич, быстро – таз с водой мне!

Он вскочил и помчался за тазом. Она встретила его на пороге Машиной комнаты, выхватила из рук пластмассовый голубой таз, плеснув водой на штаны Бурову, и захлопнула

дверь перед его носом.

Буров вернулся на кухню. Не зажигая света, долго пил холодную воду из-под крана. Потом позвонил на работу и сказал Ирине, что завтра с утра он – в министерстве. Потом сел на табуретку, прислонился затылком к стене и, кажется, заснул.

Он проснулся от голоса Погрязовой:

– Уже все, Владимир Алексеевич.

Он неловко вскочил, зажег свет. Первым делом взглянул на часы. Оказалось, что прошло всего сорок пять минут. Щурясь от яркой лампочки, Буров ошалело спросил:

– Ну, как? Как Маша?

– Все получится, не беспокойтесь. Все даже лучше, чем я думала. Завтра я приду опять.

Что-то в голосе женщины показалось Бурову странным. Глаза понемногу привыкли к свету, Буров встал и, подойдя вплотную к стоящей в дверном проеме Погрязовой, внимательно посмотрел на нее.

Как и многие люди его поколения, Буров был неверующим. Но сейчас ему очень захотелось перекреститься и сказать что-нибудь вроде «свят-свят-свят, пропади, рассыпья!..» Стоящая перед ним женщина выглядела уже не на тридцать, а на все пятьдесят. Глаза ее совсем ввалились, вокруг них явственно проступили черные круги, под скулами легли тени, около губ протянулась страдальческая складка. Это было выражение смертельной, тяжелейшей усталости.

– Что с вами? – потрясенно спросил он. – Вам плохо?

– Нет, все нормально, – глухо сказала она, садясь на табуретку. – Не пугайтесь, все абсолютно нормально, все так и должно быть. С вашей девочкой все будет хорошо.

– К ней можно? – как у врача, спросил Буров.

– Можно, но не нужно. Она спит.

Буров в упор смотрел на нее. Когда они входили в квартиру, он пообещал себе, что будет крайне внимателен и заметит любое притворство. Но сейчас, глядя на лицо Погрязовой с закрытыми глазами, он подумал, что для того, чтобы так имитировать предсмертное состояние, нужно быть Сарой Бернар в расцвете таланта.

– Я отвезу вас домой. Где вы живете?

– Не надо. Я позвонила, за мной сейчас приедут.

Через несколько минут действительно раздался звонок в дверь. Буров открыл. На пороге стоял... чеченец. Или дагестанец. Лет тридцати, с узким лицом, непроницаемыми, близко посаженными глазами. В черной кожаной куртке и широких штанах – классика Черкизовского рынка.

– Александра Николаевна?.. – гортанно спросил он через плечо Букова, словно того не было вовсе.

– Да, Абрек, минуту... – отозвалась из комнаты Погрязова. Кавказец, не вытирая ног, прошел в комнату, вскоре показался оттуда, ведя под руку Александру. Молча подержал ей пальто, что-то проворчал не по-русски. Погрязова не ответила ему. С порога она обернулась:

– Владимир Алексеевич, я приеду завтра в восемь вечера, предупредите Машу. И еще... Я забыла вылить воду. Пожалуйста, прямо сейчас вылейте таз. Прямо сейчас, это очень важно. Идите. Обещаю, что все получится.

– Как скоро? – не удержался Буров.

Кавказец, придерживающий дверь для Погрязовой, резко обернулся, Буров заметил пренебрежительную гримасу на его лице. Парень явно хотел что-то сказать, но Погрязова мягко толкнула его ладонью в спину:

– Абрек, иди, иди... – И, вслед за парнем шагая за дверь, ответила: – Через десять дней.

Буров закрыл за ней дверь и сразу же пошел в комнату дочери. Маша спала в своем кресле-каталке, свесив руку до пола. Светлые волосы, рассыпавшись, лежали на ее лице. Буров убрал их, осторожно поднял дочь на руки и отнес в постель. Маша не проснулась. Что-то попало под ноги. Буров увидел таз, шепотом чертыхнувшись, поднял его и вынес из комнаты.

Вода была черной. Не такой черной, как тушь, а скорее, как вода из торфяного болота. Буров долго, изумленно разглядывал ее, попробовал пальцем. Палец остался чистым. Разозлившись, он подумал: разведенная краска, для эффекта. Это будет легко вычислить: если вода постоит какое-то время, обязательно на дно таза выпадет осадок. То-то она так беспокоилась о том, чтобы он вылил воду... Аферистка, такая же, как и все они. И он хорош, купился... Буров оставил

свет в ванной, разделся и лег спать.

Среди ночи заверещал телефон. Не открывая глаз, Буров нащупал рядом с собой трубку. Снимая ее, глянул на светящиеся часы: полпятого утра.

– Алло?.. Кто это?

– Конь в пальто! – рявкнул в трубку незнакомый гортанный женский голос. – Воду вылей, придунок, мозги есть у тебя или пропил?! Санька из-за тебя четвертый час заснуть не может!

– Что?.. – ошарашенно переспросил он. – Кто вы?

– Воду вылей, сволочь, убью!!! – в трубке запикало.

Буров встал. Натыкаясь на стены, побрел в ванную, где горел свет.

Вода в тазу была по-прежнему черной. Никакого осадка не наблюдалось. Буров опрокинул таз в ванну, смыл остатки воды душем. Криво усмехнувшись, пожелал:

– Спокойной ночи, Александра Николаевна.

Погасив свет, он вернулся в постель, но сна уже не было. В окне на фоне сереющего неба выступили темные очертания домов, кое-где уже горел свет. Буров закурил прямо в постели, чего не делал уже лет пятнадцать. Закрыв глаза, подумал: неужели в самом деле что-то получится? Неужели Маша... Он боялся даже думать о том, что дочь снова сможет ходить. Но, может, хотя бы на костылях, хотя бы немного?..

– Папа! – послышался голос дочери. Буров вздрогнул, уронил сигарету. Ругаясь, кое-как затушил пальцами рассы-

павшиеся по одеялу искорки и вылетел из комнаты.

Часы показывали семь. Маша, потягиваясь, сидела в постели.

– Куришь? – с упреком сказала она. – Запах на весь дом.

– Извини. А как... как ты себя чувствуешь? – Бурову уже казалось, что все произошедшее – сон. Не было никакой вдовы Шкипера в его кабинете, не было машины, летящей по темному городу, не было почерневшей воды в тазу.

– Нормально. – Маша обеими руками взлохматила волосы. – Пап, а она кто?

– Кто – она? – глупо переспросил он.

– Ну-у, эта женщина... Александра Николаевна. Так неудобно получилось, мы разговаривали-разговаривали, а потом я, кажется, заснула. Она не обиделась?

– Н-нет... Она что... Она тебе понравилась? – Буров присел на край кровати. – А о чем вы говорили, если не секрет?

– Да так... – Маша пожалала плечами. – Про музыку, про Интернет, про тебя, про маму... Про аварию тоже рассказала. Я хотела показать ей фотографии в компьютере – и вдруг заснула, как дура. Она кто, папа? Она сказала, что я смогу ходить!

Буров молчал, собираясь с распрыгавшимися мыслями. Получалось, что Маша обсуждала с незнакомой женщиной темы, на которые они не говорили уже два года. А о матери, которая в тот проклятый день сидела за рулем их машины, она отказывалась разговаривать даже с психологом во время

реабилитационного курса. Так и говорила: «Я не буду это обсуждать». А тут...

– Папа... Папа, ты слышишь меня? О чем ты думаешь?! – рассердилась в конце концов Маша. – Ты сегодня очень занят?

– Нет... Не очень. А что?

– Ты можешь купить мне костыли? Любые, самые дешевые. Я должна попробовать.

– Куплю... Куплю. Если ты хочешь, если ты уверена... – промямлил Буров. Демонстративно покосился на часы и спасся бегством.

Ровно через десять дней Буров вышел из машины около дома на Северной улице в районе Таганки. Утром он позвонил Александре, чтобы условиться о встрече. Та назначила довольно странное время: девять вечера. «Впрочем, если это поздно, давайте завтра». Но ждать до завтра Буров был не в состоянии. Он не знал, что ему думать, как понимать то, что произошло.

Все случилось сегодня, в час ночи. Бурова разбудил отчаянный крик. Кричала Маша, и он, свалившись с кровати, в трусах кинулся в комнату дочери. Там было темно; Буров хлопнул по выключателю, свет ударил по глазам, и он не сразу разглядел стоящую посреди комнаты дочь. Маша балансировала, держась за кресло, и кричала, как в детстве, – пронзительно, со слезами: «Папы-ы-ычка-а!»

Буров кинулся к ней – и Маша тут же упала. Лежа на спине на полу, она сжимала костыль и кричала, кричала во все горло: «Я могу! Я могу! Я могу, папка, я могу-у-у!»

Буров уложил ее на постель и, как был, в трусах и одной тапке, помчался звонить Погрязовой. К счастью, она сразу взяла трубку, спокойно объяснила, что все идет как надо, и посоветовала съездить в медицинский центр, где наблюдалась Маша, поговорить с врачами.

В медицинском центре «Авиценна», куда Буров привез сияющую Машу к самому открытию, посмотреть на нее сбежался весь персонал. Профессор Перельман только разводил руками. Услышав от взбудораженного Букова историю с целительницей, он было недоверчиво поморщился, но, когда Буров произнес фамилию Погрязовой, улыбаться перестал: «М-м-м... странно. Я думал, она давно не практикует». – «Вы ее знаете, Семен Маркович?!» – поразился Буров. – «Сашеньку-то Погрязову? М-м, неплохо. Деда ее знал лучше, исключительный был хирург, Иван Степанович Погрязов, да... Его посадили перед самой кончиной Сталина, – если помните, было такое дело о врачах-убийцах. Внучку он вырастил один, мать Сашеньки умерла при родах, отца там, кажется, сразу не наблюдалось, а бабушка года через три умерла. Редкой была красоты женщина, Сашенька очень на нее похожа. У нее воистину дар божий, и с каждым годом все сильнее. Но, как я знаю, она мало кого берется лечить и никакой рекламы себе не делает. Как вы на нее вышли, Влади-

мир Алексеевич?» «Она сама на меня вышла, – криво усмехнулся Буров. – Что же нам теперь делать, Семен Маркович?» – «То, что скажет Сашенька. – Перельман боком, по-птичьи взглянул на Бурова блестящим круглым глазом и вдруг рассердился: – И не смотрите на меня, молодой человек, как Ленин на мировой империализм! Поверьте, ненавижу шарлатанов не меньше вашего, у меня это даже, если хотите, профессиональное! Но Сашенька – это уникам, космическая девочка, и вы не представляете, как вам повезло! От себя могу предложить комплекс массажа, гимнастику и наши спецтренажеры. Машу можете оставить здесь, палату сейчас приготовят. Да, и витамины, курс уколов... обязательно! И передайте Сашеньке, чтобы, если сможет, зашла ко мне, она знает зачем».

...Буров поднялся на четвертый этаж старого дома сталинской постройки, нашел нужную квартиру, позвонил. Дверь открыла... цыганка. Молодая, лет тридцати, в красном потертом платье и вязаной кофте, с черными, пристально посмотревшими на Бурова глазами.

– Добрый вечер, – немного опешил он. – Я... к Александре Николаевне.

– Здравствуйте. Проходите, она вас ждет, – вежливо ответила цыганка, но Буров невольно вздрогнул: именно этот гортанный голос десять дней назад бешено кричал в трубку, чтобы он вылил воду из таза.

В прихожей у зеркала Буров разделся под упорным взглядом цыганки, сунул ноги в предложенные шлепанцы и прошел в комнату. Цыганка тут же удалилась, показав Бурову на кресло. Он сел. Огляделся.

Это была довольно большая зала с высоким потолком, как во всех московских старых домах. Первое, что отметил Буров, войдя, — острый запах травы. Взгляд его сразу же упал на большой портрет, висящий на стене между гитарой с бантом и посудным буфетом. Молодая брюнетка в вечернем платье смотрела весело и чуть надменно, держа в тонких пальцах какие-то кружева. Рядом с портретом висела большая фотография в рамке. С нее внимательно и неласково смотрел на Бурова мужчина лет шестидесяти с высоким лбом и сильно выступающими скулами. А еще были книги, стоящие на полках и стеллажах вдоль стен. Их было очень много, гораздо больше, чем в квартире самого Бурова, хотя своей библиотекой он гордился. Рядами стояли собрания сочинений классиков с позолоченными корешками, целый стеллаж был заполнен медицинской литературой. Большой круглый стол под плюшевой скатертью, над которым, как в довоенном кино, нависал зеленый абажур с бахромой, тоже был завален книгами. Застекленный буфет был старинный, ручной работы, с витыми столбиками и резьбой. Посуды в нем стояло много, и тоже не новой: Буров увидел старомодные графины из цветного стекла для вина и водки, сервиз «Мадонна», тонкие фарфоровые чашки с блюдцами, изящную розовую

сахарницу. Все было красивое, изящное, но совсем несовременное, такое, как в домах московских интеллигентов тридцать-сорок лет назад. Диссонанс в эту обстановку вносила только африканская фигурка из черного дерева, изображающая девушку с высоко заколотыми волосами, сидящую по-турецки, на краю буфета. Взгляд у африканки был насмешливый и недобрый.

Широкие подоконники были заставлены цветочными горшками. У растений оказались такие сочные, здоровые листья, что Буров даже подумал: искусственные, и подошел убедиться. Но все было настоящее, цветущее и пахнущее. Более того, они не были похожи ни на одно домашнее растение, что Буров видел в домах или магазинах. Присмотревшись, он понял, что это не декоративные растения, а травы, рассаженные в широкие керамические горшки, и это от них шел болотно-луговой запах. За шкафом висело на вешалке что-то тяжелое, переливающееся, расшитое монетами. Буров подошел, потянул за шифоновую оборку. Сценический костюм то ли для фламенко, то ли для «цыганочки».

Открылась дверь, и в комнату снова вошла цыганка. Она была нагружена керамическим блюдом с пирогом, явно домашним, тарелочками с сыром и колбасой, плетеной корзиночкой с хлебом. За ней вошла Александра, несущая чайник: как и предполагалось, не банальный электрический, а старый, эмалированный, с черным отбитым пятном у доньшка. К травяному запаху примешался сладкий запах ко-

рицы и яблок.

– Здравствуйте, Владимир Алексеевич! – весело поздоровалась Александра. – Вы любите шарлотку? Милка ее делает, как никто. Вообще вы не представляете, как она готовит! И, между прочим, на семью в двадцать человек! Мне так никогда не суметь... О, я же вас не познакомила! Прошу любить и жаловать, Камила Николаевна Туманова, артистка, певица, моя... сестра.

Милка улыбнулась, не поднимая глаз и продолжая разливать чай. Буров машинально следил за ее руками: смуглыми, сухими, с сизыми, сильно выступающими прожилками, с несколькими довольно дорогими кольцами на пальцах, из которых выделялись два особенно больших: с ярко-красным рубином овальной огранки и квадратным изумрудом, размерами напоминающим подделку. Буров заметил, что ему она налила простой черный, а себе и Александре – из отдельного чайничка, с мягким золотистым оттенком и ни на что не похожим запахом.

– Простите, а... что это за чай у вас? Мне такого нельзя?

– Отчего же, пожалуйста. Я не предложила, потому что не все любят чай на травах. Попробуйте.

Милка мгновенно заменила чашку, придвинула блюдечко с медом, посоветовала:

– С медом лучше, чем с сахаром! – И, обернувшись в сторону кухни, вдруг завопила так пронзительно, что Буров уронил ложечку: – Эй, бандитская морда, чай будешь?!

– Спасибо, дорогая, потом... – гортанно ответил с кухни голос Абрека.

– Ты его покорми лучше, он с утра голодный, – велела Погрязова. Посмотрев на ошеломленное лицо Бурова, чуть усмехнулась: – Привыкайте. Милка тихо разговаривать не умеет. Ну, что ты орешь, бестолковая, детей перебудишь...

– Пушкой их сейчас не поднимешь! – огрызнулась та, поднимая ложечку и заменяя ее новой.

Буров надеялся, что она уйдет, но цыганка села за стол, придвинула к себе чашку и заболтала в ней ложкой. Буров посмотрел на Александру, но та молча пила чай. Буров тоже пригубил. На вкус оказалось очень свежо, терпко и в то же время сладко. Откусил шарлотку – действительно, великолепно.

– Итак, что вас интересует, Владимир Алексеевич?

С минуту Буров молчал. Затем медленно выговорил:

– Не знаю. Не знаю, какими словами я могу вас благодарить, но...

– Какая благодарность, Владимир Алексеевич? – перебила его Погрязова. – У нас с вами, если помните, заключена сделка. Маша встает – вы печатаете мое интервью.

– Все, что вы хотите, – не задумываясь сказал Буров. Еще ночью он решил, что напечатает все откровения этой женщины – и пусть его потом сажают за клевету, расстреливают из-за угла, высылают в Сибирь и вообще делают что хотят. Одного он не мог понять – зачем ей это нужно.

– Как вам удобно? – спросил он. – Классическое интервью, я задаю вопросы – вы отвечаете?

– Вы профессионал – вам и решать, – пожала плечами Александра. – Вас, я полагаю, интересует Шкипер?

Бурова Шкипер не интересовал. Хотя, конечно, ему хотелось узнать, что эта женщина могла в нем найти. Да, один из основоположников русской мафии; да, очень богатый человек; да, легенда уголовного мира... И все же, если отбросить этот романтический флер, – обычный бандит. Всю неделю Буров висел в Интернете, собирая информацию о Павле Соколове. Он нашел даже его фотографию в архиве собственного журнала и долго рассматривал лицо Шкипера – с высокими резкими скулами и очень светлыми глазами, которые пугающе смотрелись на темной физиономии. На момент смерти ему было сорок два года, но даже на этом фото волосы его оказались почти сплошь седыми. Красив? Нет, скорее, наоборот. Но что у них могло быть общего, у Шкипера – и такой женщины?

Буров вытащил из кармана диктофон. Поставил на стол.

– Вам не будет это мешать?

– Нисколько. – Погрязова поставила чашку на стол, взглянула на Милку, и та тут же поднялась и вышла; Буров не успел заметить, какое у нее при этом было выражение лица.

– Как вы познакомились со Шкипером, Александра Николаевна? Сколько лет вы его знали?

– Семнадцать.

– Как? – растерялся Буров – Но... простите... Сколько же вам лет? Я был уверен, что вам... самое большое тридцать.

– Тридцать один. А с Пашкой я познакомилась в тринадцать. И не делайте такое лицо, это было совсем не то, что вы подумали. Ему-то уже было двадцать пять, и его интересовали взрослые женщины. Если бы не его отец, мы бы вообще никогда не познакомились.

– У Шкипера был отец?.. – прозвучавший вопрос был довольно глупым, и Буров сразу понял это, но во всех интернетовских статьях не было ни слова о родителях Шкипера. – Простите... Я, конечно, понимаю, что он не от святого духа родился, но...

– Да уж, Федор святым не был... – задумчиво подтвердила Александра. – Его отцом был Федор Кардинал. Вы о нем слышали наверняка.

– Вор в законе? Пахан? Тот самый, про которого еще снимали недавно документальный фильм?

– Да. Хотя фильм получился ужасный... Федор с моим дедом играл в покер по пятницам.

– Но каким же образом... Ведь ваш дед был одним из ведущих русских хирургов? Иван Степанович Погрязов! – блеснул Буров новообретенными знаниями. Он ждал удивленного вопроса, но Погрязова лишь кивнула.

– Они с Федором познакомились на зоне. И всю жизнь поддерживали... м-м... дружеские отношения. Не знаю почему. Степаныч мне об этом никогда не рассказывал. Но Фе-

дора я с младенчества знала. Он меня и в покер в четыре года научил играть, дед, помню, очень возмущался...

– А ваша бабушка – цыганка? – кивнул на портрет Буров.

– Еврейка. Ревекка Симоновна.

– А... цыгане? Разве вы не... – растерялся Буров. – Вы сказали, что Милка... Камила Николаевна – ваша сестра?

– С цыганами я всю жизнь. Они наши соседи, меня Милкина мать грудью до двух лет кормила и воспитывала со своими дочерьми. У меня же родных, кроме деда, никого не было. А в шестнадцать лет я пошла вместе с ними работать в ресторан. Вот и все.

– Стало быть, Федор привел своего сына в ваш дом?

– Нет. Это вышло почти случайно. Он, как я знаю, сыном вообще не занимался и на его матери никогда не был женат. Просто Пашка с друзьями тогда вляпался в какую-то очень скверную историю, его искали по всей Москве, их надо было спрятать. Федор попросил деда, мой Степаныч отказался сначала, он не хотел впутываться ни в какие темные дела, но... на следующий день у Федора случился инфаркт и он умер. Его последняя просьба была – помочь скраться сыну. Мой дед был просто вынужден... как долг памяти... Он придавал большое значение таким вещам, и... В общем, я поехала вместе с ними в Крутичи, это деревня под Калугой, совсем глухие места, там у деда жила... одна знакомая. Ребята просидели у нее до весны, потом уехали. Вот... так и познакомились. В следующий раз мы с Пашкой увиделись уже

через пять лет, в ресторане. Я там танцевала, он с братвой сидел... – Она вдруг вздохнула. – Не узнай он меня случайно – разошлись бы, как в море корабли. И не было бы ничего.

– Вы его очень любили? – неожиданно для самого себя поинтересовался Буров.

– Не знаю, – медленно, глядя через плечо Бурова в темное окно, сказала Александра. – По крайней мере, после смерти деда у меня ближе Пашки никого не было.

– Он вам помогал?

– Да, всегда. Когда Степаныч еще был жив, Пашка к нему часто приезжал в покер играть – как Федор... Играл он, к слову сказать, великолепно, дед ему постоянно должен был. И все время так получалось, что, когда у меня появлялись проблемы... Шкипер их почему-то решал. И никогда не задавал вопросов. А я была очень молодая, глупая, и... в общем, мне в голову ничего не приходило.

– Вы не знали, что он вас... что он в вас влюблен?!

– Да я до сих пор в этом не уверена, – спокойно, без капли кокетства сказала Погрязова. – А уж тогда... Владимир Алексеевич, вам надо было видеть женщин, которых он приводил в наш ресторан. Каждая могла спокойно выходить на подиум. У Шкипера ведь тогда уже были большие деньги, дорогие машины, он часто летал за границу. А я что такое была? Девочка из ресторана!

– Это правда, что у Шкипера было всего восемь классов образования?

– Правда. Только не восемь, а пять. Он это всю жизнь скрывал, стыдился. У него мать работала в рабочей столовке на Маросейке, судомойкой. Пила, как сапожник. Пашка сначала учился, конечно, в школу мать его все-таки отвела, а годам к двенадцати не до того стало. Пошел, как он говорил, в семейный бизнес.

– Так Федор ему все-таки помогал?

– По крайней мере не мешал. Но Шкиперу отец и не очень-то нужен был. Вы бы знали, какая у него была голова! – с внезапной гордостью произнесла Александра. – Получи он в свое время высшее образование – не бандитом был бы, а президентом! Так мой Степаныч говорил, ему Пашка нравился.

– Вы не преувеличиваете, Александра Николаевна? – почему-то Бурова уязвила ее гордость.

– Ничуть, – холодно сказала она. – Дед Пашке книги давал, он читал все подряд, без разбору, думал хоть так дело поправить... Мозги у него были аналитические, он мою «Геометрию» за восьмой класс, как роман, читал! Понимал, конечно, что этого мало... Но не в вечернюю школу же было идти – при его-то тогдашних делах!

– Вы его жалеете! – не вытерпел Буров, которого все больше и больше раздражала эта нежность в голосе женщины. – Простите, Александра Николаевна, но вы же не могли не знать, что это был за человек и какие...

– Понимаю, что вы имеете в виду, – прервала его Алек-

сандра. – Но поймите и вы. В его обстоятельствах Шкипер никем другим стать не мог.

– Ну, вот этого не надо! – взорвался Буров. – Выбор у любого человека есть всегда! Особенно, если человек умный и понимает, что выбирать-то надо! Никто его насильно не тянул в этот, как вы говорите, «бизнес», под пистолетом не гнал! Захотел – стал бы...

– Алкашом! – вспылила и Александра, резко повернувшись к Бурову. – Как все его прежние уличные дружки! Безотцовщина дворовая! Все до одного или спились, или сидят! Причем сидят не по солидным статьям, а за пьяные драки и грабежи ларьков! Шкипер сделал все, что мог, чтобы под забором не сдохнуть, – как его мамаша, кстати! Выбор! Какой выбор, что вы говорите! Какой может быть у людей выбор, если один ребенок рождается в нормальной семье, с папой-мамой-бабушкой-дедушкой, с ним все носятся, учат, проверяют тетради, ходят на родительские собрания, помогают в институт поступить, а другой... Другие... Только родился, а уже никому не нужен. Я Пашку не оправдываю, поймите, я... я знаю, что он убивал людей! Но... Не было у него вариантов.

– А как же вы сами-то, Александра Николаевна?! – окончательно перестал «фильтровать базар» Буров. – У вас же, кажется, тоже родителей не было? Тем не менее на панели вы не оказались!

– Откуда вы знаете? – насмешливо спросила Погрязова, и

Буров, смешавшись, умолк. Придя в себя, пробормотал:

– Простите, пожалуйста...

– Ничего, – ледяным тоном сказала она. – А на панели, как вы выразились, я действительно не оказалась. Потому что у меня был Степаныч... и цыгане. И Шкипер, кстати.

– Скажите... – Буров смущенно откашлялся, отхлебнул остывшего чаю. – А ваш дед знал о ваших отношениях со Шкипером?

– Каких отношениях? – возмущенно всплеснула руками Александра. – Я тогда была ребенком, не было никаких отношений! Да Степаныч бы Шкипера убил! Он бы мне в жизни не позволил связаться с бандитом! Да, я думаю, дед тоже ни о чем не догадывался... Пашка ведь был старше меня на двенадцать лет, он меня называл «дитём», своих женщин к нам в дом приводил. Мне было двадцать, когда дед умер, только после этого и...

– Что?

– Пашка был моим первым мужчиной, – просто сказала Александра. – Не знаю, любовь это была или что, но... никого другого я бы к себе точно не подпустила. Воспитание-то было цыганское: или муж, или никто, а замуж мне совсем не хотелось... В общем, мы с ним провели ночь... а на другой день его убили.

– Как это? – опешил Буров. И сразу вспомнил, что действительно читал об этом в Интернете. В конце девяностых годов у Шкипера крайне осложнились отношения с конку-

рентами, и он предпочел исчезнуть из России на несколько лет, инсценировав взрыв собственной машины и роскошные похороны.

– Вы знали о том, что это – липа?

– Что вы, нет, конечно! Рыдала на могиле до потери сознания, ребят перепугала до смерти! – Александра грустно улыбнулась. – При том, что не влюблена была в Шкипера тогда ни капли. Просто было такое чувство, что осиротела... Потеряла брата, отца, друга лучшего... Два года потом жила без него, почти привыкла, у меня даже появился любовник... Впрочем, вам это неинтересно, извините. А потом, весной, ко мне вдруг является Жиган и...

– Жиган? – не понял Буров.

– Вы его не знаете? Ваше счастье... В общем, один из Пашкиных... людей. Они ведь меня не оставляли своим покровительством, я еще, помню, не могла понять почему. Предложил проехаться в одно место, привез меня в какую-то квартиру на окраине, а там... Шкипер.

– И как же вы... реагировали?

– Как положено, – слабо улыбнулась она. – Упала в обморок. Но это все лирика... Через неделю я улетела к нему в Италию. Владимир, который час? – неожиданно спросила она.

Буров посмотрел на часы. Да-а...

– Мне уже даже неловко извиняться, Александра Николаевна.

– Ничего. Это ведь в моих интересах, правда? – Она улыбнулась ему, но как-то отстраненно, и в который раз Буров подумал: зачем ей это?

– До свиданья, Александра Николаевна.

– Подождите, – негромко сказала она. – У вас болит голова, верно? И болит очень сильно, с самого утра, потому что ночь вы не спали.

Буров усмехнулся:

– Ну... А говорите, не умеете гадать.

– Ложитесь на диван, – спокойно приказала Погрязова. – Сейчас, секунду, я вымою руки... – последние слова донеслись уже из ванной. Буров пожал плечами. Нерешительно присел на край дивана. Бабушка-еврейка с портрета поглядывала на него чуть иронически.

Александра вернулась, на ходу встряхивая руками.

– Вот наказание, да ложитесь же! – она бросила в изголовье дивана вышитую подушку, и Бурову оставалось только выполнить приказ.

– Закройте глаза. Расслабьтесь. Попробуйте ни о чем не думать, если получится. А лучше думайте о Маше. Летом вы поедете в Италию. Она будет плавать в море... да-да, будет, сама. А вам придется отгонять от нее молодых туземцев... Ваша дочь очень красива, вы это подозреваете? Вы станете дедом раньше, чем рассчитываете... Думайте о Маше, думайте о море, о песке, о солнце... Вам нужно завести любовницу, Владимир Алексеевич, вы молодой мужчина, по-

думайте о здоровье, вы нужны дочери...

На эту сомнительную рекомендацию Буров ничего не ответил. Потому что заснул.

Утром Буров проснулся от бьющего в лицо солнечного луча. Открыл глаза. Первое, что увидел, – портрет бабушки Ревекки, насмешливо разглядывающий его. Ходики с кукушкой показывали восемь. За стеной детский голос старательно и очень точно выводил:

– Я все еще его, безу-у-умная, люблю-ю...

Буров сел, осмотрелся. Увидел свою одежду на спинке стула, почесал встрепанные со сна волосы. Мать честная, как он вчера умудрился заснуть? И что теперь думает о нем Александра? И... и кто это там поет?

Словно отвечая на последний вопрос, в прихожей зашлепали шаги. Буров резко, чуть не опрокинув стул, схватил брюки и едва успел натянуть их, как на пороге появилась девчонка лет десяти.

– Доброе утро, идите завтракать.

– А...

– Если умыться-побриться – в ванной все есть. Давайте сами, у меня баклажаны горят. – И, сурово посмотрев на ошарашенного Бурова, удалилась на кухню.

В ванной действительно лежало чистое полотенце, новая зубная щетка и бритвенный станок. Словно под гипнозом, Буров проделал все утренние процедуры. Увидев в зеркале

свою физиономию, поморщился. С грустью подумал о невозможности немедленно закурить, повесил мокрое полотенце на батарею и вышел из ванной.

На кухне девчонка заканчивала накрывать на стол. Буров увидел тарелку с огромной яичницей, дымящуюся баклажанную икру, хлеб в плетеной вазочке, кофейник, пакет молока, масло, нарезанную колбасу.

– Это все – мне одному? – пошутил он, неловко садясь за стол. Девчонка обернулась от плиты, улыбнулась, блестя зубами и продолжая при этом что-то ловко мешать в сковороде.

– Много? Не смешите... Вот я сейчас еще мясо дожарю...

– Не надо! – испугался Буров, привыкший по утрам обходиться чашкой кофе. – Я не могу...

– Через «не могу», золотой, с утра бог велел заряжаться. Слушайся бога – он поможет, – с уморительной важностью заявила девочка, шлепая на тарелку шипящие куски свинины. – Саша сказала – как следует покормить, а мое дело маленькое.

– А где... Саша?

– Понятия не имею, – отрезал ребенок. – Может, спит еще, может, ушла.

– Где спит?!

– У нас, золотой, где ж еще?

Буров почувствовал, что краснеет. Выходит, вчера, усыпив его (вот ведьма!), она ушла спать к соседям?

– А как тебя зовут?

– Мадлена.

Буров с трудом удержал улыбку.

– Спасибо, Мадлена.

– Было бы за что – сказала бы «пожалуйста». Вы кушайте, кушайте. Сейчас пирожки будут.

Буров понял, что спорить бесполезно, взял из вазочки кусок хлеба, придвинул яичницу и принялся за еду.

Он был уверен, что после такой непривычной заправки почувствует тяжесть в животе, но самочувствие, напротив, было великолепным, а голова – ясной. Допивая кофе, Буров подумал, что уже давным-давно так не спал... и не ел. Он встал и начал было складывать посуду в раковину, но из прихожей примчалась Мадлена и выхватила у него из рук тарелки:

– Оставьте! Вы мужчина, гость, как можно!

Опешивший Буров только пожал плечами.

Девчонка вышла проводить его в прихожую. Буров, поколебавшись, вытащил бумажку в пятьсот рублей. Мадлена, так же поколебавшись, отстранила его руку.

– И думать не смейте! Вы – гость! Меня Саша со свету сгонит, если возьму!

– Мы ей не скажем.

– Не-е-е... Ступайте. Вот ваш «дипломат», сигареты, я вам вот сюда бутерброды положила, не забудьте... С богом, хорошей дороги! – и захлопнула дверь.

Уже сидя в машине, Буров вдруг вспомнил, что не договорился с Погрязовой о новой встрече. «Позвоню», – решил он.

День прошел прекрасно: Буров понял, что сентенция Мадлены о том, что бог помогает тем, кто заряжается с утра, вполне верна. Он блестяще провел совещание, съездил на две отмененные вчера встречи, ни на одну не опоздал, выбил в банке кредит, отбился от Шмелевой с ее очередной идеей-фикс и подписал гранки нового номера. Позвонила Маша из «Авиценны», весело рассказала о том, что сама дошла на костылях из палаты в процедурную, и передала просьбу профессора Перельмана заехать к нему. «Она будет плавать в море», – вспомнил Владимир вчерашние слова Александры и почему-то поверил, что все так и будет. Еще он целый день вспоминал Мадлену, хозяйничающую на кухне, – и невольно хотелось рассмеяться. Единственное, что омрачало радужное настроение Бурова, – то, что в течение дня Александра не брала трубку ни домашнего, ни мобильного телефона. Вначале Буров думал, что она просто отсыпается. Потом начал сердиться, потом – беспокоиться и к семи часам вечера уже волновался всерьез. В полвосьмого он уже стоял в пробке на Новокузнецком мосту, слушал длинные гудки в мобильном и злился. Через десять минут, когда стало очевидно, что в ближайшие полчаса с места не тронуться, Буров вышел из машины, подошел к цветочному киоску на углу и купил ведро чайных роз – не понимая, собственно, зачем.

К дому на Северной он добрался уже к девяти и, завернув во двор, сразу заметил «Рено-Меган», стоящий у подъезда. Это было хорошо: значит, Александра дома. Но рядом с «Рено» возвышался огромный, черный, сверкающий джип, от которого за версту несло баснословными деньгами. Джипа этого Владимир вчера здесь не видел, и он ему не понравился. Еще больше не понравилась пара молодых людей в кожаных плащах с профессионально безразличными лицами, стоящих около монстра. Буров как можно независимее припарковался с другой стороны тротуара, запер свою «Ауди». Пошел было к подъезду, но сзади его ненавязчиво потрогали за плечо.

– К Александре Николаевне сейчас нельзя, – очень вежливо произнес один из терминаторов. – У нее гости.

– Извините, но она назначила мне...

– Придется подождать.

– Послушайте... – начал заводиться Буров, но в это время из подъезда выбежала Милка в своей вязаной кофте и тапочках на босу ногу.

– Осади назад, чучело! – рывкнула она на охранника, и тот, к изумлению Бунова, послушался. – Владимир Алексеевич, подождите. К Саньке нельзя.

– Ей помощь не нужна?

– Не... Все нормально, не беспокойтесь. Подождите просто. – Милка улыбалась, но Буров видел, что она испугана. Он предложил цыганке сигарету, та взяла, по-мужски зата-

нулась, целенаправленно выпустила струю дыма в лицо терминатору (тот стерпел без звука) и начала расхаживать вдоль тротуара, держа сигарету на отлете.

– К ней приехал цыганский барон? – Буров безуспешно пытался подстроиться под Милкину маршировку.

– Если бы... Тьфу. Сколько раз ей говорила – напусти на него сифилис, так не хочет!

– Она говорит, что не может такое...

– Захотела бы – смогла! И бог бы помог! Да за такое... – Милка не договорила: хлопнула подъездная дверь. По разбитым ступенькам спустился высокий черноволосый человек в кожаной куртке. Сильно загорелое лицо не выражало ничего, темные узкие глаза лишь мельком скользнули по Бурову и Милке, и Владимир заметил, что человек этот молод: лет тридцати пяти, не больше. Он быстро зашагал к джипу, охранник открыл дверцу. Милка вдруг развернулась и звонко, на весь двор крикнула:

– Пулю тебе в спину, родимый, от лучшего друга!

Буров невольно вздрогнул. Высокий человек остановился. Медленно подошел к Милке. Та, упершись кулаками в бока и откинувшись назад, встретила его прямым злым взглядом, но Буров видел, что губы ее дрожат. Он придвинулся ближе, но хозяин джипа, словно не видя его, подошел вплотную к Милке. На его скулах напряглись желваки. Белая полоса шрама над правой бровью порозовела.

– Дура, – коротко бросил он.

– Дер-р-р-рмо! – с удовольствием сказала Милка. Быстро плюнула ему в лицо – и в ту же минуту полетела в грязь перед крыльцом от оплеухи. Взыла и, прежде чем Буров сумел что-то предпринять, схватила с земли обломок кирпича и запустила в обидчика. Удар камня пришелся по скуле, человек в кожаной куртке качнулся, выругался, по его лицу побежала темная струйка, терминаторы рванулись вперед... но с крыльца донесся знакомый голос:

– Жиган!!!

– Стоять, – буркнул тот, не глядя, и охранники остановились.

Жиган вытер кровь ладонью. Подошел к стоящей на крыльце Александре. Некоторое время они разглядывали друг друга. Милка завывала на весь двор, закрыв лицо руками, ошарашенный Буров стоял столбом. Александра отвернулась первая; вполголоса сказала:

– Пошел вон.

Секунду Жиган молчал. Затем повернулся и пошел к машине. На Бурова он даже не взглянул. Через минуту джип взревел и выкатился со двора.

– Вставай, чудо в перьях... – с досадой сказала Александра, подходя к Милке, которая, едва джип скрылся за углом, немедленно перестала голосить. – Ну, что ты к нему привязалась? В следующий раз зуб выбьет. Как ты в ресторане теперь выйдешь в таком виде? Здравствуйте, Владимир Алексеевич.

– Здравствуйте... Может, позвонить в милицию?

– Избави боже... Сами разберемся. Спасибо, что не вмешались.

– Я... я не успел, – смутился Буров. На самом деле он просто опешил от того равнодушия, с которым Жиган, не задумавшись ни на миг, ударил женщину. – Надо было, конечно, морду набить...

– Кому – Жигану? – с интересом переспросила Александра. – Думаю, не поможет. Да и не дали бы.

Она подняла голову, оглядела окна дома, в которых торчали любопытные физиономии.

– Идемте. Хватит народ потешать.

В квартире, к облегчению Бурова, было пусто. Милка, бурча под нос ругательства, ушла в ванную, вскоре оттуда донесся плеск воды. Буров вслед за Погрязовой вошел в знакомую комнату, сел за стол, огляделся. Никаких следов побоища не было. Но на столе, рассыпанные, лежали тяжелые, темно-красные розы. Несколько оторвавшихся лепестков краснели на паркете.

– Он ваш любовник? – напрямую спросил Буров, чувствуя холодок внутри.

– Нет.

– Но добивается?..

– Владимир Алексеевич, вы рассуждаете, как старая дева, – вздохнув, сказала Александра. Подойдя к столу, она собрала розы, подняла с пола лепестки и сломанный бутон. –

Добивается он совсем других вещей.

– Извините. Но, я подумал... Цветы... Может быть...

– Не беспокойтесь, я не в его вкусе.

Буров совсем смешался и замолчал. Через минуту совсем по-мальчишески проворчал:

– Я и не беспокоюсь, с чего вы взяли...

– Ужинать будете?

– Не буду. Послушайте, зачем вы меня вчера усыпили?

– Владимир Алексеевич, я ведь не Вольф Мессинг. Вы сами замечательно заснули, причем на счет «три». Много работаете и мало спите. Так нельзя.

– Работа такая... Кстати, о работе, – будем разговаривать?

– Извините, нет. Обстоятельства изменились, я сейчас уезжаю. И завтрашний день у меня тоже занят. Встреча... довольно неприятная.

– С Жиганом?

– И с ним тоже.

– Вы не боитесь? – Буров понимал, что говорит глупости, но останавливаться было поздно. – Хотите, я поеду с вами?

– Ну что вы, Владимир Алексеевич... – серьезно сказала Александра. – Во-первых, это касается только меня. А во-вторых, в качестве телохранителей я предпочитаю профессионалов. Со мной поедет Абрек.

– Хорошо... Желаю удачи, – пробормотал Буров, выкатываясь из квартиры. У него было неприятное чувство, что его выставили – без особых церемоний.

Но вскоре тяжелые ощущения исчезли. На улице скользнул за воротник вечерний ветер, а когда «Ауди» проезжала через мост, из низких серых туч выпал закатный луч, и Москва-река заиграла красной рябью. Буров съехал с моста, остановился, вышел из машины и достал сигарету. Хорошо бы сейчас выпить кофе... и заехать к Маше в клинику, посмотреть, как успехи. Только не задерживаться надолго, чтобы завтра не заснуть за рабочим столом, еще подумают бог весть что... Хотя права Александра, не мешало бы завести кого-нибудь, хоть на время.

Любовницы у него, конечно, были. Случайные, поскольку тратить время на женщин, забирая его у инвалида-дочери, Буров не мог. Были даже профессионалки, и в конце концов Буров решил, что эти – лучше всех. Оздоровительная гимнастика за умеренную цену – чего же еще? Но сейчас, вспомнив о тех женщинах, лица которых даже не откладывались в памяти, Буров неожиданно подумал об Александре. О темном, усталом лице с резкими чертами, сухой смуглой коже рук, изящных пальцах, внимательном взгляде, немного ироничной улыбке. О запахе болотной травы. Странная женщина. Если бы только можно было... Буров оглянулся на заднее сиденье. Забытые там чайные розы слегка подвяли, но все еще источали слабый горьковатый аромат. Надо было все-таки подарить. Ну чем он хуже Жигана?!

– Не дождешься, Буров, – вслух сказал он сам себе. – Хороша Саша, да не ваша.

Сентенция прозвучала веско. Буров затаился в последний раз, выбросил окуроч, включил зажигание и поехал на Знаменку – к дочери. Розы все-таки стоило пристроить.

На другой день в редакции, как всегда, стоял дым коромыслом. Приехав, Буров с ходу угодил на совещание, потом неожиданно нагрянули гости из Министерства печати, потом самому пришлось ехать в рекламное агентство договариваться о новом ролике, потом обнаружилось, что у него назначены две встречи на одно время, причем в разных концах города. Буров в сотый раз пообещал уволить Ирину (та немедленно принялась рыдать), отправил на одну из встреч Шмелеву, на вторую помчался сам, застрял в пробке, опоздал, нервничал, да и встреча прошла не очень удачно... В общем, день выдался не из легких, и поэтому, когда в шесть часов вечера у него зазвонил мобильный и спокойный голос с кавказским акцентом попросил его спуститься вниз, Буров вначале ничего не понял:

– Что значит – спуститься вниз? Кто вы, собственно?! Я не...

– Это Абрек. От Александры Николаевны.

Абрек говорил очень спокойно, но Бурова словно окатили холодной водой.

– Что-то случилось?

– Нэт. Ничего. Спуститесь, пожалуйста.

Ты ее достал, лихорадочно думал Буров, скача вниз по лестнице через три ступеньки. Ты полностью утратил про-

фессиональное чутье, забыл о такте и о воспитании, задавал дурацкие вопросы и еще требовал на них ответов. Ей надоело. Больше она не хочет иметь с тобой дел и прислала своего джигита сообщить об этом. Никакой логики в подобных мыслях не было, но почему-то ничего другого в голову Бурову не пришло. Внизу, в огромном гулком холле, он столкнулся с монументальной, как Большой театр, ответственной выпускающей Перемыхиной.

– Ого! – пробасила она. – Начальство, Володя, бегать не должно: у подчиненных начнется паника. Что случилось – белые в городе?

Перемыхина, которую Буров знал еще с тех пор, как начал работать здесь после университета, неожиданно подействовала на него отрезвляюще. Пробурчав что-то успокаивающее, он перешел на шаг, поправил сбившийся галстук, пригладил волосы и из стеклянных дверей вышел уже довольно уверенно.

– Здравствуйте, Абрек.

– Добрый вэчер. – Абрек, стоявший у своей машины, быстро подошел к нему. – Александра Николаевна просила передать вам вот эти вэщи.

«Вэщи» оказались двумя кассетами и пачкой фотографий, завернутыми в полиэтиленовый пакет. Повертев их в руках, Буров вопросительно взглянул на Абрека.

– Александра Николаевна сказала, что вам надо это послушать, потому что ей нэкогда, она уехала.

– Куда?! – завопил Буров. – Надолго?!

– Нэт, – с достоинством сказал Абрек. – Обещала звонить.

– Мне или вам?

– Мне – само собой. Вам – нэ знаю. Мне приказали только передать.

– С-спасибо, – растерянно сказал Буров.

Абрек коротко кивнул и пошел к своей машине. Буров машинально проводил взглядом его невысокую, стройную фигуру. Вернулся к себе наверх, не замечая изумленного взгляда секретарши, собрался, взял «дипломат» и, забыв попрощаться, ушел.

Оказавшись дома, он прямо в ботинках прошел в комнату дочери, где стоял старый двухкассетник. Но первым делом он вытащил из пакета фотографии и минут двадцать перебирал их. Александра не обманула: с помощью этих материалов с легкостью можно было устроить смену власти в стране. Даже у него, двадцать пять лет проработавшего в политической печати, выдавшего многое, заколотилось сердце, как у начинающего папарацци.

Собравшись с мыслями и немного успокоившись, Буров спрятал компромат в пакет. Вытащил одну из кассет, на которой карандашом была нацарапана цифра «1», вставил в магнитофон, с изумлением отметив, что у него слегка дрожат руки: видимо, фотографии произвели слишком сильное впечатление. Сев рядом на диван, он приготовился было закурить – и так и не зажег сигарету, услышав зазвучавший

в тишине знакомый, чуть хрипловатый голос. И на мгновение Бурову показалось, что в воздухе опять запахло болотной травой.

«Здравствуйте, Владимир Алексеевич. Извините, что приходится общаться таким способом, но меня, видимо, не будет в Москве больше, чем я рассчитывала. Кроме того, у меня сейчас бессонница. Зачем же время терять, верно? Я расскажу вам кое-что, а Абрек вечером передаст кассеты. Вы сами разберетесь, что из этого вам пригодится, а что – нет. А когда я вернусь, зададите любые вопросы. Как мы договорились. Итак...»

Буров торопливо выключил магнитофон. Протяжно, с шумом выдохнул, наряду со страшным облегчением чувствуя недоумение: почему он так разволновался? Почему так боялся, что на кассете – что-то страшное, опасное, вроде этих фотографий? И еще почему-то – что он больше никогда не увидит Александру... Бессонница у нее. Возможно. А может быть, просто решила, что так удобнее – говорить то, что сама считаешь нужным, и не отвлекаться на глупые вопросы. Что ж... Наверное, правильно. Но Буров вдруг испытал острое разочарование – оттого что вряд ли он снова окажется в этой большой квартире в старом доме с портретом красавицы-бабушки на стене, с роялем, книгами и остро пахнущими травами в горшках. Что-то говорило Бурову, что больше он никогда не увидит всего этого.

Вернувшись в прихожую, Буров разделся, сходил в душ,

залез в холодильник, где лежали три одинокие сардельки, сварил их, открыл банку пива. Поев, вернулся в комнату Маши, спокойно, обстоятельно закурил, сел на диван и приготовился слушать.

Часть II

Александра

Утром я проснулась от солнечного луча, скользнувшего через мое лицо на белую стену гостиничного номера. Я открыла глаза – и разом все вспомнила. И, не повернув головы, тихо спросила:

– Шкипер, спишь?

– Нет, – спокойно ответили рядом. Я приподнялась на локте. Шкипер лежал с закрытыми глазами, и судя по тому, что в губах у него еще не было сигареты, он или только что проснулся, или я разбудила его своим вопросом. Через минуту, впрочем, сигарета оказалась на привычном месте, Шкипер затянулся, выпустил дым и лишь после этого открыл глаза и притянул меня к себе.

Я вспомнила, как вчера, в третьем часу ночи мы вернулись в отель, как Шкипер целовал меня прямо у рецепшн, опрокинув на стойку рядом с клавиатурой компьютера и не замечая, что платье на мне задралось до пояса, – чего ему было стесняться в собственном отеле? Безуспешно отбиваясь и взывая придушенным сипом к его совести, я слышала, как сгрудившиеся вокруг нас итальянцы радостно считают: «Уно! Дуэ! Трэ! Куотро!» Шкипер отвалился только на «тридцати двух» под бурные рукоплескания зрителей

и вопли управляющей Даниэлы: «Браво, Паоло, манифико!!!» – и то лишь потому, что я умудрилась ткнуть его коленкой в живот. После чего этот нахал поклонился на публику, сгреб меня в охапку и понес в номер на второй этаж. Вслед нам летели восторженные крики и аплодисменты. Последним, что я успела увидеть, была сумрачная физиономия Жигана, который курил на диване в холле отеля. Мы встретились с ним глазами, он отвернулся.

– Как спала, детка? – потянувшись, спросил Шкипер.

– Плохо, – подумав, сказала я.

– Что так?

– От тебя покоя не было.

Шкипер усмехнулся, а я подумала, что причина моего дурного сна была все-таки не в Пашкиных домогательствах. Но сейчас я не могла вспомнить, в чем дело; только что-то муторное царапало память, отравляя впечатление от первого дня в Италии. Не жигановская же рожа, в самом деле, испортила мне настроение... Что же случилось? Аэропорт, отель? Нет, позже... Ресторан, ночные улицы, толпы народу, мотоциклы, развалины древнего форума? Фонтан Треви, россыпи зеленоватой водной пыли, тяжелая рука Шкипера на моих плечах... Церковь Марии Маджоре, темная колоннада, статуя мадонны... Да!

С памяти словно сдернули занавеску; я отчетливо вспомнила темный свод церкви, посеревшее лицо Шкипера с закрытыми глазами и дергающимися желваками на скулах, его

хриплое дыхание. Ему стало плохо в церкви; плохо настолько, что я приняла это за сердечный приступ и до смерти перепугалась. Впрочем, как только он вышел из-под колоннады Марии Маджоре, все исчезло без следа. Шкипер неохотно объяснил мне, что такое с ним происходит в церкви всегда, и, стараясь отвлечь, тут же полез ко мне целоваться. Входя вместе со Шкипером в отель, я обеспокоенно подумала, что неплохо было бы удержать его от ударного секса в эту ночь, но какое там...

– Как ты себя чувствуешь?

– В смысле?! – чуть не уронил сигарету Шкипер.

– Вчера, помнишь?.. – я не договорила, заметив, как неуловимо изменилось его лицо.

Шкипер, коротко посмотрев на меня, отвернулся к светлеющему окну; негромко сказал:

– Не парься, Санька. Это все фигня.

– Ничего себе фигня... – Я передернула плечами. – Шкипер, может быть, это... самовнушение у тебя?

– Чего?! – поперхнулся он сигаретным дымом. – Детка, у меня это началось в двадцать лет! На мне тогда не особо много висело! И хватит уже про это. Иди ко мне.

Я послушалась и улеглась на его плечо, через которое тянулся длинный шрам от давней ножевой раны. Мне было тринадцать лет, когда я ее лечила. Рядом красовалась фиолетовая татуировка: русалка верхом на черте. Тут же надпись: «мементо море». Под надписью – две затянутые дырки

от пулевых ранений. Пониже, между ребрами, был еще один след от ножа: юность у Шкипера была боевая. И что на нем «висело» в те годы, я не знала. Может быть, и к лучшему.

Из Рима мы выехали спустя час на шкиперовском «Мерседесе».

– А где Жиган? – спросила я, оглядываясь.

– Ночью улетел в Рио, дела. А тебе без него скучно?

– Век бы этой морды не видеть! – искренне сказала я, и Шкипер усмехнулся.

– Ехать долго, часа три. Если хочешь – спи.

– Нет, я так посижу. Куда мы едем?

– В Лидо, – коротко ответил он и замолчал на всю дорогу.

Меня это, впрочем, не беспокоило; я сидела, не сводя глаз с обочины шоссе. Мимо меня пролетали желтые поля, голубые, розовые, оранжевые, фисташковые домики с черепичными крышами, увитые темно-зеленым виноградом, с цветущими геранями и фуксиями в окнах, со статуями в двориках. Несколько раз мы проезжали через города: я видела старые булыжные мостовые, строгие церкви из темного кирпича, узкие улочки. Потом – снова поля, белые козы, совсем по-русски привязанные около дороги, и надо всем этим – голубое, безоблачное, словно выцветшее от жары небо.

Лидо оказался маленьким городком на побережье: белые здания отелей, тянущиеся вдоль полосы пляжей, зелень, пальмы, голубые квадраты бассейнов, вездесущие мотоциклы на улицах. Я чуть не по пояс вылезла из окна, стараясь по-

лучше разглядеть никогда раньше не виденное море. Шкипер свернул с набережной на узкую тенистую улочку и почти сразу же замедлил ход у высоких ворот-гармошки. Ворота были вделаны в кирпичный забор, так же, как все вокруг, увитый виноградом. Мы въехали во двор, и глазам моим открылся двухэтажный белый дом под черепичной крышей. Ставни были открыты, входная дверь – тоже. В доме явно кто-то жил.

Шкипер посигналил. Дверь открылась. На крыльцо вышла... мулатка. Настоящая мулатка, жующая кусок пиццы, в розовом, выгоревшем от солнца, измятом платице, открывающем босые ноги идеальной формы. Под юбкой просматривались весьма аппетитные полушария. Рельеф груди был еще сногшибательнее: платье, казалось, вот-вот треснет. Увидев машину, мулатка улыбнулась во весь рот, показав два ряда великолепнейших зубов, и я заметила, что ей было не больше восемнадцати. Шкипер вышел из машины, мулатка сбежала с крыльца – и со счастливым воплем прыгнула ему на шею, по-обезьяньи обхватив руками и ногами. Я осталась сидеть в машине, не зная, как себя вести. Мулатка увидела меня и, не слезая со Шкипера, мило помахала мне розовой ладошкой.

– Лу! Зараза! Слезай к чертовой матери! – Шкипер стряхнул смеющуюся девчонку с себя и, повернувшись ко мне, без всякого смущения сказал:

– Вылезай, знакомьтесь. Да, она по-русски ни бельмеса...

– Шкипер!!! – возмутилась наконец я.

Он недоумевающе посмотрел на меня, нахмурился и вдруг, сообразив что-то, рассмеялся.

– Са-а-анька... Да не моя эта мартышка. Жигана. Ну, падлой буду... Он ее недавно из Баии привез. Так, это синьора Александра. Это – Лулу. Всем все понятно? Марш в дом.

Я послушалась, еще немного ошарашенная: прыжок Лу на шею Шкиперу выглядел крайне недвусмысленным. Но уже через несколько секунд я напрочь забыла о пикантности ситуации, потому что из дома на крыльцо вышел еще один человек: молодой парень с рыжим «ежиком» на голове, в плавках и растянутой грязной майке.

– Шкипер, наше с хвостиком, – сказал он, и я замерла: голос показался мне страшно знакомым.

Парень спустился с крыльца. Взглянул на меня. Ухмыльнулся и негромко засвистел. «Хорошо быть кисою, хорошо – собакою...» – тут же припомнились мне слова.

– Жамкин! – ахнула я. Художественный свист оборвался. На меня в упор уставились два глаза: один – желтый, другой – зеленый.

– Погрязова? Сашка?! Бли-и-и-ин!

Это действительно был Яшка Жамкин собственной персоной – мой бывший сосед и одноклассник, три года назад ходивший за Шкипером, как за апостолом, и готовый отдать полжизни за то, чтобы быть у него на побегушках. Когда Шкипер, организовав собственные похороны, ушел в подпо-

лье, Яшка исчез вместе с ним, и ни я, ни его мать и сестры ничего о нем не знали. Все были уверены, что его тоже застрелили где-то. Ничего необычного в такой версии не было: времена стояли героические, по всей Москве гремели разборки братвы. И сейчас, увидев Яшку во дворе дома Шкипера в Италии, я первым делом подумала: пробился все-таки, шкет, в ближайшее окружение...

Яшка тем временем полез ко мне обниматься. От него несло потом, соленой рыбой, пивом и машинным маслом, но высвободиться из его лап я не могла.

– Погрязова, ну ты как? Нет, ну ты как?! Степаныч жив еще? Помер?! Чего это он?.. Жалко, блин, классный дед был... А моя мамаша? Да знаю, что жива, здоровье как? А Сонька? А Римка?! А бабка курить не бросила? А ты почему здесь? Шкипер, ты что, ее для себя привез?! И охота была через пол-Европы волочить, здесь такого добра на каждой помойке...

Яшкина непосредственность окончательно выбила меня из колеи. Я уже всерьез подумывала о том, чтобы гордо выйти из ворот и пешком отправиться назад в Рим искать посольство, но Шкипер спокойно сказал:

– Фильтруй базар, чижик, это моя жена.

Яшка отреагировал коротким матерным словом, выпустил меня из рук (я чудом не плюхнулась на гравий у крыльца) и убежденно сказал:

– Шкипер, зря ты это. Вот я тебе говорю – зря.

– Ну, тебя забыл спросить. Тачку отгони. – Шкипер бросил ему ключи. – Где Абрек?

– Дитё пасет на пляже. Свистнуть ему?

– Свистни. Санька, пошли.

Он взял из «Мерседеса» мою сумку, и мы вошли в дом.

Дом оказался очень большим и очень грязным. Внизу был огромный пустой холл, ковер в котором был весь истоптан и засыпан песком с пляжа, в кадках с видом жертв блокады торчали несколько засохших фикусов, лестница, ведущая наверх, была не мыта сто лет. В ванной размером с половину моей московской квартиры гнездовались залежи несвежего белья, открытые пачки презервативов, висящие лифчики и скомканные прокладки. На второй этаж я подниматься не стала; вместо этого заглянула на кухню, всю заваленную немытой посудой, банками из-под пива, коробками с остатками пиццы и сигаретными окурками. Холодильник был забит детскими консервами, пиццей, мороженым и банками с колой и пивом.

– Шкипер, как ты здесь живешь? – спросила я, возвращаясь в холл, где Шкипер вполголоса говорил о чем-то с Жамкиным. Лулу сидела с ногами на диване, лизала фисташковое мороженое и улыбалась.

– Видишь, уже начинается! – ехидно заметил Шкиперу Яшка, но его разноцветные глаза, скосившиеся на меня, смеялись.

– Пошел вон, – без злости сказал ему Шкипер, и Яшка

неохотно зашагал к выходу. — Санька, я же здесь почти не живу. Так, наездами... Лу одной тяжело, и не любит она это дело. Бери прислугу, за полдня тебе все отмоют.

— Чего?! — перепугалась я. — Кого? Шкипер, я не хочу прислугу! Можно так как-нибудь?

Он удивленно уставился на меня.

— Так — это как? Ты сама все это мыть собираешься?

— Отмою. Не надо прислугу. — Я представить себе не могла, что в месте, где я живу, будет заниматься хозяйством чужая баба, не я сама. Тем более я не подпустила бы постороннего человека к приготовлению еды.

— Ну, смотри, — озадаченно сказал он. — Лулу тогда впрягай, не стесняйся. Она хоть дура, но все умеет...

— Шкипэр! — раздался вдруг со двора голос с сильным кавказским акцентом, и я вздрогнула от неожиданности. Шкипер взглянул на меня, хотел было что-то сказать, но не успел, потому что с улицы вошел и замер на пороге невысокий смуглый парень с узким замкнутым лицом жителя Северного Кавказа. Мы с ним встретились глазами, и я заметила, что кавказец совсем молод: вряд ли старше меня.

— Абрек, это Александра Николаевна, — сказал Шкипер. — Моя жена.

Абрек снова посмотрел на меня, на этот раз дольше, хотя его темные, глубоко посаженные глаза по-прежнему ничего не выражали. Затем коротко кивнул, повернулся и вышел. Я вопросительно посмотрела на Шкипера, он усмехнулся:

– Не пугайся, он не страшный. Просто говорить не любит. Привыкнешь. – Шкипер хотел сказать что-то еще, но в это время с крыльца раздался топоток, и в холл вбежало совершенно неожиданное существо.

Это был ребенок. Девочка лет четырех, с черными кудрявыми волосами, плохо расчесанными и кое-как связанными белой лентой. Ее загорелая рожица была до бровей испачкана чем-то, похожим на вишневое мороженое, тем же самым было заляпано тесноватое ей красное платьице. В руке девчонка сжимала кусок сахарной ваты. Добежав до Шкипера, она пискнула что-то невнятное и прыгнула ему на шею. Шкипер едва успел подхватить ее и тут же начал орать по-итальянски на безмятежно улыбающуюся Лулу: видимо, его возмутила крайняя перемазанность ребенка. Я ошеломленно рассматривала обоих. Через плечо Шкипера мне была видна прижавшаяся к его шее мордашка – чумазая, широкоскулая, большеротая. С серыми, светлыми глазами.

– Шкипер... – тихо сказала я. – Это что – твоя?..

– Моя, – не поворачиваясь, подтвердил он.

– Как тебя зовут? – спросила я у девочки.

Она смешно сморщила носик, улыбнулась, ничего не ответила.

– Бьянка, – ответил за нее Шкипер. – Она не разговаривает.

– С чужими людьми? – уточнила я.

– Ни с кем.

Бьянка была дочерью Шкипера и Норы Фаззини – известной итальянской топ-модели. Я хорошо помнила Нору, потому что они со Шкипером познакомились в Москве и Пашка, не знающий итальянского, привез ее к Степанычу, говорившему почти на всех европейских языках. Позже, налаживая в Италии свой бизнес, Шкипер появлялся у Норы, жил с ней несколько дней или недель, потом уезжал опять, или она срывалась на какой-нибудь кастинг или съемки – отношения, таким образом, были необременительными и устраивающими обоих. Но однажды Нора встретила Шкипера крайне возмущенная и несколько минут вопила, не переводя дыхания, не давая Пашке вставить ни слова, а сам он тогда еще не настолько хорошо знал итальянский, чтобы понять из ее криков, что случилось. Навопившись, Нора в изнеможении повалилась на кровать, и ее пятимесячный живот, нахально выставившийся из-под карденовского топики пред очи Шкипера, прояснил ситуацию.

Нора, как любая модель, боялась даже думать о беременности, ответственно пила таблетки, и ей в голову не приходило, откуда вдруг взялась тошнота по утрам, отекающие ноги и жажда соленого. Когда все прояснилось, бежать на аборт было поздно. Карьера Норы была загублена, контракты – разорваны, гардероб не сходился на животе, и Нора пребывала в глубокой депрессии. Шкипер посочувствовал, предложил денег, в ответ получил еще одну порцию непристойной брани и предложение немедленно убираться вон. Что он

и сделал, поскольку помочь любовнице все равно ничем не мог.

В следующий раз, когда Пашка появился в Риме, Нора уже родила – крошечную недоношенную малышку со светлыми серыми глазами. Нора, набравшая во время беременности чуть не полцентнера лишних килограммов, никак не могла их сбросить, у нее начались проблемы с ногтями, зубами и волосами, на коже появились некрасивые пятна, она беспрерывно пила вино, курила больше, чем прежде, – Шкипер едва ее узнал. Он снова предложил ей денег, был снова послан ко всем чертям, но уже не так уверенно: источников дохода у Норы не осталось никаких, работы тоже не было, все ее влиятельные поклонники испарились еще до рождения девочки. Пашкины дела к тому времени складывались более чем удачно, и он мог позволить себе содержать любовницу и ее ребенка. Нора робко поинтересовалась, не согласится ли он признать отцовство. Шкипер подумал, что ничего при этом не потеряет. Таким образом, Бьянка Фаззини все же имела в свидетельстве о рождении запись о наличии отца.

Оставаться в Риме Шкипер подолгу не мог и заезжал к Норе три-четыре раза в год. В принципе, он мог этого не делать, поскольку открыл для Норы счет в одном из римских банков и систематически перечислял туда деньги. Но Нора стремительно катилась под откос. Неожиданная беременность, маленький, больной и крикливый ребенок, полная смена образа жизни, полная же зависимость от любовника, неопреде-

ленность дальнейшего существования, монотонность дней, похожих теперь один на другой, как капли воды, – все это было так не похоже на прежнюю жизнь топ-модели, путешествия, съемки, мужское внимание... Норе было всего двадцать шесть лет, она осталась одна, без опытных подруг, без матери, без мужа, – и сломалась. Когда Шкипер в очередной приезд понял, что любовница сидит на героине, было уже поздно что-то делать. У него самого не было ни времени, ни желания возиться с Норой, единственное, чем он мог помочь, – это оплатить курс лечения в клинике, но Нора напрочь отказывалась лечиться, уверенная, как все наркоманки, что сама бросит колоться, как только захочет. Бьянке едва исполнилось три года, когда ее мать умерла от передозировки в одной из больниц Рима. Малышку переправили в приют при монастыре Святой Франчески, там ее и нашел полгода спустя Шкипер. Из монастыря он забрал дочь без проблем, чему способствовало его официальное отцовство и итальянское гражданство, привез в Лидо и сдал на руки Лулу.

Все это Шкипер рассказал мне вечером, когда мы вдвоем сидели на опустевшем пляже и смотрели, как огромное солнце опускается в море. Вдоль побережья искрился разноцветными огнями курортный город, ветер иногда доносил оттуда обрывки веселой музыки. Волны, почти невидимые в сумерках, тихо шипели, набегая на гальку. Песок был еще теплым, и я просеивала его между пальцами, разглядывая остающи-

еся на ладони мелкие белые ракушки. Волосы у меня были еще мокрыми от морской воды: полдня я просидела в море, в теплой, ласковой воде, такой безобидной и смешной после омута в Крутичах – единственном месте, где мне доводилось купаться. Периодически на пляже появлялся Яшка Жамкин и орал, что я сгорю без привычки на солнце, «как швед под Полтавой». Но я точно знала, что ничего со мной не будет, и из моря не вылезала. К вечеру я устала так, что заснула прямо под пляжным зонтом, накрывшись мокрым полотенцем и не просушив волос. Уже в сумерках меня разбудил Шкипер. Вернее, я проснулась сама и увидела, что он сидит рядом на песке, курит и поглядывает на садящееся солнце. Рядом с ним сидела Бьянка и внимательно меня рассматривала.

– Пашка, позови ребенка! – нервно сказала я, вглядываясь в темную полосу моря. Бьянка ускакала туда час назад и до сих пор не показывалась. – Она утонет!

– Такие не тонут, – без капли иронии сказал Шкипер, но все же встал и пошел к воде. Вернулся он через минуту, с Бьянкой на руках, посадил ее на песок и завернул в полотенце.

– Сиди, недоразумение...

«Недоразумение» высунуло из полотенца коричневую рожицу, улыбнулось, сморщив нос, и Шкипер невольно усмехнулся.

– Зачем ты ее забрал из приюта? – спросила я. – Там за

ней хоть смотрели, а здесь что?

– Моим врагам такие смотры, – проворчал он. – Самого в интернат сдавали в те же годы. Ты видишь, что она разговаривать не умеет? До трех лет любовалась, что маманя в доме устраивала! Норка чего только не вытворяла, всякую шушеру в дом водила, проходной двор был...

– Но... что ты с ней делать будешь?

– Не знаю.

Я умолкла. В душе зашевелилось подозрение, что я для того и была вывезена из Москвы, чтобы... Но Шкипер, словно угадав мои мысли, сказал:

– Ты не обязана. Скажи «нет» – будет нет. Я тебе обещал – будешь жить где хочешь и как хочешь.

– Зачем «нет», если «да»? – помолчав, сказала я.

– Можешь нянecь ей набрать целый взвод. Я-то в этом, как свинья в апельсинах...

– Ладно... разрулим как-нибудь.

– Да, нам еще с тобой жениться нужно, – между делом заметил он. – Ну, что ты морщишься, так удобнее будет! Мне тебе еще документы на гражданство делать!

– Шкипер, а можно «нет»? – опять заныла я.

– Можно «нет», но лучше «да», – моей же фразой ответил он. – И вообще, пошли домой, дитё уже спит.

Бьянка действительно заснула в своем коконе из полотенца. Солнце давно опустилось в море, и вокруг быстро потемнело. Шкипер взял на руки ребенка и, увязая в песке, заша-

гал в сторону дома. Я собрала одежду и пошла за ним.

Среди ночи нас разбудил истошный детский плач. Я, со-
рвавшаяся спросонья с постели, не сразу сообразила, что я
не дома, и, решив, что плачет один из Милкиных детей, при-
вычно кинулась в дверь. Но двери в положенном месте не
оказалось, и я с налета ударилась о невидимую стену. За спи-
ной послышалось приглушенное ругательство Шкипера: он
натягивал джинсы. Я сразу все вспомнила, дождалась, пока
Шкипер закончит со штанами и вылетит за дверь, и побежа-
ла за ним.

Внизу, в холле, горел свет. Прямо под лампой стояла со-
вершенно голая Лу с рыдающей Бьянкой на руках и вопи-
ла, как сумасшедшая, на своем языке. Рядом стоял Яшка,
неловко завязывающий на бедрах простыню и жмурящийся
от яркого света. Один Абрек выглядел так, будто вовсе и не
спал, и, застыв в дверях, обозревал бесстрастными глазами
шоколадную грудь Лулу.

– Что ты орешь, дура? – мрачно спросил Шкипер, беря у
Лу ребенка.

Бьянка обхватила его за шею, несколько раз сдавленно
всхлипнула и успокоилась было, но, когда Шкипер сделал
попытку передать ее мне, заверещала с новой силой, пере-
крыв даже Лулу. Та, освободившись от девочки, заголосила
еще громче и принялась размахивать руками, как ветряная
мельница.

– Шкипер, скажи ей, чтобы запахнулась, мужиков полно... – вполголоса сказала я.

– Да чего они там не видали... – проворчал Шкипер и посмотрел на Яшку. – Уводи уже эту лярву, башка лопается. Недотрахались, что ли?

– Дотрахаетесь тут с вами, – с досадой буркнул Яшка, схватил Лулу поперек талии, вскинул на плечо и понес наверх. Абрек молча развернулся и вышел за дверь: он, видимо, сидел где-то во дворе. Я успела увидеть в дверной щели черную ветвь дерева и огромную, рыжую луну.

– Я ее возьму... м-м... к нам?.. – Шкипер неуверенно посмотрел на меня.

– А как же?! – другого варианта, на мой взгляд, и быть не могло. – Давно это у нее?

– С самого начала.

– И как же ты...

– А что я?! – огрызнулся Шкипер. – Меня дома нет все время! Для чего, думаешь, я эту блядь жигановскую здесь держу?! А Лу тоже мало радости среди ночи вскакивать, у ней другие интересы...

– Слушай... а почему она с Яшкой спит? – вдруг вспомнила я.

– Она со всеми спит, – невозмутимо ответил Шкипер, поднимаясь по лестнице с Бьянкой на руках. «И с тобой?» – чуть было не спросила я, но вовремя удержалась.

Оказавшись в постели между нами, Бьянка довольно

быстро уснула и лишь изредка ворочалась и судорожно всхлипывала. Шкипер, кажется, тоже спал: по крайней мере, не шевелился и не курил. Ко мне же сон не шел; я всю ночь следила за медленным лунным лучом, путешествующим по комнате, и думала о жизни вообще и о нас со Шкипером в частности. А под утро, когда я с трудом задремала, мне незамедлительно приснился Степаныч, поедающий пельмени на нашей кухне в Москве, который сказал мне только одно слово: «Дура».

Я тут же проснулась, сердитая и разочарованная: дед приснился мне впервые со дня своей смерти и, на мой взгляд, по такому случаю мог бы сказать что-нибудь новенькое. Был уже рассвет, на розовеющей стене начали проявляться размытые тени ветвей. Я повернулась. Шкипер спал на спине, бесшумно и неподвижно. Бьянки у него под боком уже не было: видимо, пока я спала, он отнес девочку в ее постель. Я старалась подниматься как можно тише, но стоило мне спустить ноги с кровати, как послышался спокойный, ничуть не сонный голос:

– Куда ты?

– Шкипер, ты вообще спишь когда-нибудь?!

– Сплю. Ты тоже ложись, еще рано.

– Нет. Я кофе хочу.

– Ну и лежи, я сделаю.

– Чего?! – в ужасе вскочила я. Цыганское воспитание тети

Ванды проснулось, как всегда, в самый неподходящий мо-

мент: я представить себе не могла, что мужчина – мужчина!!! – будет приносить мне кофе в постель. Когда же я спохватилась, что я не цыганка и Пашка мне практически не муж, а следовательно, сейчас имею полное право возлечь в изящную позу и томным голосом потребовать кофе со сливками, было поздно: Шкипер заржал. Он тоже много времени проводил среди цыган и, разумеется, все понял.

– Заткнись! – рассвирепела я, запуская ему в голову подушку. Он ловко поймал ее одной рукой и деловито сказал:

– Кофеварка знаешь где, романы чай?¹

– Найду, – буркнула я уже из-за двери. Вслед мне Шкипер ехидно засвистел «Две гитары за стеной...», но возвращаться и продолжать подушечный бой мне не хотелось.

Я уже заканчивала варить кофе, когда на кухню вошел Абрек. Он, видимо, не рассчитывал обнаружить там меня и, заметно растерявшись, шагнул обратно.

– Ты куда? – удивилась я. – Кофе хочешь?

– Н-н-эт... Александра Николаевна, я – потом...

– Сам ты «Николаевна»! – разозлилась я. – Посмотри, я целое ведро сварила! Выливать, что ли, теперь?!

Абрек неуверенно пожал плечами, но протянутую кружку все же взял. Видимо, по поводу кофепитий с хозяйской женщиной никаких инструкций у него не было. В момент, когда я передавала ему кружку, я вдруг почувствовала то, что чувствую всегда, с самых ранних лет. И не сообразила,

¹ Цыганская девочка.

что лучше, может быть, промолчать.

– Что у тебя болит?

Абрек пристально посмотрел на меня своими неподвижными черными глазами. Я не смутилась: напротив, мое подозрение перешло в уверенность. Я прикрыла глаза, и зеленый шар, пока еще размером с мячик, закачался в темноте.

– Александра Николаевна...

– Сидеть!!! – рявкнула я, как старшина, по опыту зная, как легко спугнуть шар.

Абрек сел – то ли от растерянности, то ли потому, что ему велено было меня слушаться. Я подошла вплотную, и зеленый шар опустился мне в ладони.

– Что у тебя с сердцем? Недостаточность? – спросила я спустя десять минут, когда шар ушел, приступ у Абрека, соответственно, кончился, а сам он, немного бледный и очень смущенный, тянул из кружки апельсиновый сок: остывший кофе я у него отобрала.

– Это давно. Еще дома было. Вы только Шкиперу нэ говорите, он мэня выгонит. Охранники с сердцем нэ должны быть... – От непривычно длинной речи и волнения в голосе Абрека усилился акцент, я с трудом его понимала.

– Я не скажу, успокойся. Да через три раза у тебя все совсем пройдет. Я обещаю.

– Как вы это дэлаете, Александра Николаевна?

Я пожала плечами: это был самый частый вопрос, который я слышала в своей жизни. И ответа на него у меня не было.

Вместо этого я спросила сама:

– Откуда ты?

– Из Абхазии, – неохотно сказал Абрек. – Село Джгерда.

– Там... сейчас война?

– Да, – коротко, глядя в окно, сказал он.

Я поняла, что лучше больше не спрашивать, вспомнила про кофе, торопливо поднялась... и чуть не выронила кружку, увидев в дверном проеме Шкипера. Он стоял и смотрел на меня. Абрек сидел спиной к двери и его не видел. Я жестом попросила Шкипера уйти, но Абрек почувствовал что-то, обернулся и неловко встал.

– Санька, ты присохла, что ли, тут? – лениво спросил Шкипер. На Абрека он даже не взглянул, но я поняла, что в дверях Пашка стоял достаточно давно.

– Кофе убежал, – бестрепетно соврала я – не столько для Шкипера, который все равно не купился бы, сколько для Абрека. – Дурная кофеварка какая-то.

– Баб к кофе вообще подпускать нельзя, – подыграл Шкипер. – Отойди. Абрек, Бьянка проснулась, на море хочет, иди с ней.

Абрек послушно пошел к выходу. Когда за ним закрылась дверь, Шкипер спросил:

– Что за дрянь ты у него нашла? Триппер? Или уже хуже?

Я молчала. Шкипер, насыпая кофе в турку, коротко усмехнулся.

– Детка, я ведь пойду у него поинтересуюсь. Они от этой

Лулу скоро все...

– У него сердце, – сердито сказала я. – И я обещала, что тебе не скажу. Но ты не думай, через два дня все пройдет. Я сумею.

Шкипер молчал.

– Где ты его взял?

Я была уверена, что Шкипер не ответит, но он неожиданно сказал:

– На Ингури. Там пальба была тогда. У него всю семью положили и самого с автоматами ловили по всей Абхазии с Грузией. Я его забрал, парень ценный. Попроси как-нибудь, он тебе покажет, как ножом спичку с десяти шагов разрубает.

Ни на что подобное мне смотреть не хотелось.

Допивая кофе, я вспомнила, что Шкипер еще вчера соби-
рался поговорить со мной о чем-то важном.

– Пашка, у тебя дело ко мне вроде было?

– Было.

Я отодвинула пустую кружку, приготовившись слушать, но Шкипер встал, потянулся и неожиданно предложил:

– Поехали в Венецию?

– Это близко? – обрадовалась я.

– Через залив на катере пятнадцать минут.

В Венеции было солнечно,людно и шумно. Еще с борта катера я увидела пестрые толпы людей на набережной и воз-
вышающиеся над ними яркие флажки гидов. Солнце пляса-
ло на мутной, зеленой воде каналов, отражалось в сверкаю-

щих витринах магазинов, прыгало по тусклой позолоте гондол и старинных зданий. Величественные, отсыревшие до третьего этажа дома поблекших красных, голубых и желтых цветов отражались в каналах. Отовсюду доносились плеск воды, смех, крики, разговоры на десятках языков. На площади Сан-Марко на булыжной мостовой под ногами копошились голуби, и их не пугали даже громкие звуки оркестра, играющего под колоннадой попурии из опер Верди.

– На гондолу хочешь? – спросил меня Шкипер.

Я отказалась: эти глянцевые раскрашенные, обтянутые бархатом лодочки с пасторальными гондольерами казались мне слишком ненастоящими: как ряженые в Коломенском на Масленицу.

– В магазины пойдешь?

– Нет, – извиняющимся тоном сказала я. – Шкипер, я не знаю, что покупать.

– Ну да, здесь особо ничего и не купишь, – не понял он. – Больше игрушки всякие для туристов. Вот полетим с тобой в Париж, там...

При мысли о неизбежно грядущем шопинге мне стало дурно. Я ненавидела магазины одежды, никогда не любила одеваться, и для меня не было большей головной боли, чем пойти выбрать себе платье. В этом был виноват Степаныч, приучивший меня с детских лет ходить в том, что есть, и не напрягаться по этому поводу. В принципе это было правильно, поскольку денег у нас со Степанычем не было никогда.

Они появились, когда я в шестнадцать лет устроилась работать в ресторан, но к тому времени у меня уже сложилось абсолютно мужское, сугубо функциональное отношение к вещам: я шла покупать новые джинсы или блузку только тогда, когда старые уже расползались по швам, и искренне не понимала, зачем нужна вторая пара туфель, если первая еще прилично выглядит. Тетя Ванда и другие цыганки, у каждой из которых было не менее трех десятков платьев, ахали и хватались за головы, но меня было уже не переделать. И я честно сказала об этом Шкиперу.

Он выслушал, плюнул через парапет в Канале Гранде, снял солнечные очки, делавшие его похожим на киношного киллера, и, глядя на семенящих через замшелый каменный мост японцев с фотоаппаратами, сказал:

– Как хочешь. Я турецкие джинсы сам уважаю, но в них в ресторан «Максим» не пустят.

– В... какой ресторан?

– «Максим», – вежливо повторил он. – На Елисейских Полях. И потом, детка... я тоже не в памперсах от Диора родился. Ничего... Припекло – выучился нужные шмотки таскать. Статус обязывает.

– Когда ты родился, никаких памперсов не было, – машинально сказала я.

Шкипер невесело усмехнулся, видимо, вспомнив о своей дворово-помоечной молодости, и пошел за мороженым.

Он знал, что делал: от мороженого ко мне быстро верну-

лось самообладание. Вылизывая из вафельного рожка остатки прохладной орехово-малиновой массы, я сделала официальное заявление: ни в какой ресторан на Елисейских Полях я шага не сделаю, в туалет от Диора меня не завернет насильно даже отряд спецназа, а если завернет, то сам же и пожалеет, а если Шкиперу в его бизнес-рейсах нужно сопровождающее лицо женского пола, то пусть обращается в фирму эскорт-сервиса или элитный публичный дом. Выпалив все это, я выбросила рожок в урну, воинственно посмотрела на Шкипера, готовая продолжить баталию, но его глаза были скрыты черным стеклом очков, и вызова он не принял.

– Как хочешь.

Такая покладистость только усилила мои подозрения, но я сочла за лучшее пока помолчать.

По Венеции мы проходили до вечера. Я бродила по замшелым мостам через каналы, по узеньким улочкам, где с трудом могли разойтись два человека, заглядывала в медленно текущую воду каналов, тарасилась в витрины с загадочно улыбающимися масками, веерами, грустными арлекинами и стеклянными безделушками, отмахивалась от веселых окриков гондольеров. Шкипер не мешал мне, молча шел рядом или чуть поодаль, и в конце концов я напрочь забыла о его присутствии. Он напомнил о себе лишь тогда, когда я устремилась к воротам грандиозной церкви Святого Марка.

– Детка, мне с тобой нельзя, извини.

Вздрогнув, я остановилась.

– Я тогда тоже не пойду.

– Не выдумывай. Здесь по всей Италии церковь на церкви. Так и будешь мимо ходить? А еще в Ватикан собиралась, эту свою Сикстинскую мадонну смотреть...

– Съезжу потом одна, – твердо сказала я.

– Не дури. – Шкипер повернулся и пошел через площадь Сан-Марко к набережной. Я побежала следом, поймала его за руку, заглянула в лицо. Он криво усмехнулся, не глядя на меня. Обнял меня за плечи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.